12+

РОМАН

ГРАНИЦА

Александр Бурнов

Александр Бурнов

Граница

«Издательские решения»

Бурнов А.

Граница / А. Бурнов — «Издательские решения»,

В системе, где топливо монополизировал Консорциум, а ресурсы делят враждующие гильдии Синдикатов, появляется незваный поколенческий корабль беженцев. Экипаж «Мигранта» — бывший безопасник, должник гильдии, торговец без гражданства и беглый медик — берётся за обычный контракт. Но с пришельцами всё не так просто, а сделка оборачивается большой игрой. «Граница» — жёсткая научная фантастика о мире, где нейтралитет больше не спасает.

© Бурнов А.
© Издательские решения

Содержание

ГРАНИЦА 6
Глава 1. Ирина 7
Глава 2. Мирза 10
Глава 3. Дэвид 13
Глава 4. Товен 16
Глава 5. Ирина 19
Глава 6. Мирза 21
Глава 7. Дэвид 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Граница

Александр Бурнов

© Александр Бурнов, 2026

ISBN 978-5-0071-7288-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГРАНИЦА

Роман

Я не хочу, чтобы это когда-нибудь стало ношей моих детей. Но боюсь, что именно так и будет.

Если это читаешь ты — прости меня за то, что я не нашёл лучшего решения.

Его не существовало. Есть только то, которое я принял, и то, которое придётся принять тебе.

— из личного журнала Ансгара Вона

Глава 1. Ирина

Очередь на причал начиналась за три километра до самой станции — это было видно по бортовым огням: цепочка судов, растянутая вдоль монтажных балок «Свода-12», каждое на безопасной дистанции от соседа, каждое ждущее своей цифры на табло. «Мигрант» был сто сорок седьмым.

Ирина сверила номер ещё раз, хотя знала его наизусть, и откинулась в кресле. За обзорным стеклом станция разворачивалась медленно, неохотно — серая, рифлёная, обвешанная посадочными огнями и знаками Консорциума: тот же холодный синий, что и на её старой форме, только теперь она смотрела на него снаружи.

— Сто сорок седьмой, подтвердите класс груза, — сказал диспетчер в динамике, голосом человека, который произносил эту фразу тысячу раз за смену.

— Класс три, смешанный, задекларирован полностью, — ответила она.

— Ожидайте.

Она ждала. За двадцать лет в системе она научилась ждать так, чтобы это не читалось на лице.

Стыковка заняла сорок минут — на пятнадцать больше расчётного, — и ещё двадцать ушло на то, чтобы дойти до стойки расчётов пешком, потому что грузовой лифт станции, разумеется, работал только в одну сторону. Внутри «Свода-12» пахло металлом и озоном, и звук здесь был другим — гулким, придавленным низким потолком, будто станция сама вслушивалась в то, что говорят на её палубах.

За стойкой сидел клерк — молодой, аккуратный, с именной табличкой «специалист по расчётам» и лицом человека, который давно перестал удивляться чужому недовольству.

— «Мигрант», сто сорок седьмой борт, — сказала Ирина, положив планшет с грузовым манифестом на стойку.

Клерк, не глядя на неё, пробежался по экрану.

— Дозаправка, семьсот двадцать единиц термоядерного топлива класса Б. С вас… — он на секунду умолк, — сорок одна тысяча двести.

— В контракте цена была тридцать четыре.

— Цена была тридцать четыре до пересмотра приоритетного тарифа. — Он развернул к ней экран, на котором висел лаконичный документ с гербом Консорциума и датой недельной давности. — Независимым операторам вне списка партнёрских линий присваивается коэффициент один и два. Это применяется автоматически ко всем бортам вашей категории.

— Я узнаю об этом коэффициенте только сейчас, стоя у вашей стойки.

— Уведомление было разослано по всем зарегистрированным адресам. — Он не смотрел на неё с вызовом; он вообще на неё почти не смотрел. — Хотите, я подниму лог рассылки?

Она хотела. Она знала, что лог покажет письмо, зарытое среди полусотни других технических уведомлений, которое никто на борту не открыл, потому что открывать их у неё физически не было времени между двумя контрактами. Она знала также, что спорить дальше означало терять слот на заправку, а слот означал ещё одни сутки простоя, а сутки простоя означали неустойку по следующему грузу, которая была больше разницы в тарифе.

— Не нужно, — сказала она. — Оплата с основного счёта.

Она смотрела, как цифра на экране проседает вслед за балансом «Мигранта» — не критично, но заметно, — и думала о том, что монополия хороша именно этим: ей никогда не нужно было угрожать напрямую. Достаточно было быть единственной дверью в комнате.

— Заправка начнётся через семь минут на терминале Д-4, — сказал клерк. — Хорошего полёта.

Она не ответила. У стойки расчётов Консорциума на «хорошего полёта» не отвечают — это она усвоила ещё до того, как перестала носить их форму.

* * *

Терминал Д-4 гудел ровным, утробным гулом — криотопливные насосы гнали своё через шланг толщиной в человеческую руку, и весь причал слегка вибрировал в такт. Ирина стояла у смотрового окна шлюза, наблюдая, как индикатор заполнения ползёт вверх на полпроцента за раз, когда услышала сбоку знакомый голос:

— Глазам своим не верю. Капитан Воронцова, собственной персоной.

Демьян не изменился — разве что виски побелели чуть сильнее, чем она помнила, да форма инспектора сидела на нём так же неловко, как когда-то сидела форма безопасности. Он держал планшет с обходным листом под мышкой и улыбался так, будто не был до конца уверен, что имеет на это право.

— Уже не капитан чего-либо, принадлежащего Консорциуму, — сказала она, и в этом было больше тепла, чем в её обычном тоне для этого места.

— Тем более. — Он подошёл ближе, встал рядом у окна, глядя на тот же индикатор, что и она. — Как «Мигрант»? Слышал, ты взяла контракт на дальний рейс через пояс.

— «Мигрант» жив. В основном потому что я до сих пор помню, где у станции стоят люди вроде тебя, которые могут сказать, что коэффициент один-и-два выдумали на прошлой неделе специально ради меня.

Демьян усмехнулся, но не стал спорить.

— Не ради тебя. Ради всех вас. — Он понизил голос, хотя рядом никого не было. — Наверху последние месяцы трясёт. Не то чтобы явно, но… ты же знаешь, как это выглядит изнутри. Когда кто-то там, в кабинетах, начинает нервничать — это чувствуется на самом низу раньше, чем произносится вслух.

— Из-за чего трясёт?

Он пожал плечами, но не так, будто не знал, а так, будто взвешивал, стоит ли говорить.

— У Ромеро в мониторинге неделю как беготня. Не по расписанию, не по протоколу — люди задерживаются сверхурочно, кто-то прилетал из центрального офиса лично смотреть данные. — Он покрутил в руках планшет. — Ребята болтают, что дело в том корабле. Беженском. Который прибыл несколько лет назад — их ещё называют Флотилией.

— И что с ним?

— Понятия не имею. — Он развёл руками, и на этот раз это выглядело искренне. — Что-то в показаниях с их стороны не сходится с тем, что должно быть. Обычно такие вещи списывают на старое оборудование и забывают через неделю. А тут не забыли.

Индикатор заполнения дошёл до сорока процентов. Ирина смотрела на цифру, но видела не её.

«Не моё дело», — подумала она, и мысль пришла настолько привычно, что не потребовала усилия. Флотилия была не её грузом, не её контрактом, не её конфликтом — она сталкивалась с их людьми на доках так же редко, как и с кем угодно ещё, и то, что происходило в закрытых кабинетах отдела мониторинга Дария Ромеро, касалось её ровно настолько, насколько касалось любого стороннего наблюдателя. То есть никак.

— Может, действительно оборудование, — сказала она.

— Может. — Демьян посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал разговор. — Просто… будь осторожна там, куда летишь в следующий раз. Когда наверху нервничают, это редко остаётся наверху.

— Я всегда осторожна.

— Знаю. — Он невесело улыбнулся. — Именно поэтому до сих пор жива.

Индикатор дошёл до сотни. Насос затих, шланг дёрнулся и обмяк.

— Заправка завершена, — произнёс безличный голос станции. — Освободите терминал Д-4 в течение пятнадцати минут.

Демьян кивнул ей на прощание и пошёл дальше по своему обходному листу — туда, где его ждал новый борт со своей проблемой. Ирина ещё немного постояла у окна, прежде чем развернуться к шлюзу.

Возвращаясь на «Мигрант» по гулкому коридору станции, она прошла мимо ряда смотровых окон, откуда были видны дальние причалы — и на секунду, безотчётно, задержала взгляд в ту сторону, где, по слухам, стоял на приколе тот самый корабль. Отсюда его не было видно — только огни чужого дока где-то в стороне, мигающие в своём собственном ритме.

Не её дело, подумала она снова.

И пошла на борт.

Глава 2. Мирза

Баланс на экране просел на семь тысяч триста — Мирза увидел цифру раньше, чем Ирина успела сказать хоть слово, потому что цифры на «Мигранте» первым видел не капитан, а тот, кто считает, сколько рейсов корабль ещё вытянет на этом балансе. Он сидел на корточках у распределительного щита теплообменника, планшет лежал на колене, и цифра на экране смотрела на него с той же прямотой, с какой смотрит человек, точно знающий, что ему нечего возразить.

— Ну хоть залили полностью, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь, и полез обратно в открытую панель.

Теплообменник контура номер два барахлил третью неделю — не критично, но достаточно, чтобы КПД просел на пару процентов, а пара процентов на длинном перелёте превращалась в лишние сутки простоя где-нибудь на отшибе, а сутки простоя стоили денег, которых после сегодняшнего тарифа стало на семь тысяч триста меньше. Родной клапан термостата, тот, что должен был стоять здесь по паспорту оборудования, продавался только через сертифицированную сеть Консорциума — с полугодовым сроком поставки и ценой, от которой у Мирзы каждый раз дёргался глаз. Тот, что стоял сейчас, был третьей заменой за два года — синдикатской сборки, без бренда, без сертификата, собранный кем-то в мастерской, где на вопрос «а это точно будет работать» отвечали не гарантией, а пожатием плеч и словами «пока работало у всех остальных».

Пока работало. Это «пока» и держало половину кораблей независимых операторов в системе — не потому что синдикатские детали были хуже, а потому что были единственными, которые вообще можно было достать без очереди длиной в сезон.

Клапан, который стоял сейчас, умирал. Не резко, а так, как умирает всё синдикатское — постепенно, с оговорками, пока однажды не откажет в самый неподходящий момент. Мирзе нужен был новый. А новый был только в одном месте.

* * *

Дредноут-13 не был доком в привычном смысле — скорее, огромной ремонтной баржей, пришвартованной к внешнему кольцу станции с той стороны, куда Консорциум предпочитал не смотреть без крайней необходимости. Здесь пахло не озоном, как на «Своде-12», а горячим маслом и сваркой, и звук стоял другой — не гулкая тишина казённых коридоров, а сплошной лязг, будто станция сама была живым механизмом, который непрерывно чинил сам себя.

Мирзу здесь знали. Не как капитана и не как клиента — как своего, с эмблемой гильдии, вытатуированной на предплечье ещё в те годы, когда он думал, что это будет означать что-то вроде семьи.

— Актан. — Фарид сидел за стойкой, заваленной разобранными платами, и не поднял глаз, пока не закончил паять контакт. — Слышал, у тебя опять контур барахлит.

— Термостат. Третий раз за два года — может, начнём делать их из чего-то, что не разваливается через восемь месяцев?

— Начнём, когда Консорциум перестанет патентовать сплавы. — Фарид наконец поднял голову и усмехнулся — устало, привычно, как усмехаются люди, которые давно перестали ждать, что второе случится раньше первого. — Есть один. Новой партии. Хочешь — забирай, хочешь — жди сертифицированный полгода.

— Забираю.

Фарид пробил заказ на планшете и на секунду замер, глядя на экран так, будто прикидывал, стоит ли говорить следующее.

— С тебя стандартная цена плюс десять процентов сверху.

— С каких пор десять процентов?

— С тех пор как у тебя баланс по долгу отца не двигался последние три месяца. — Фарид сказал это ровно, без нажима, тем же тоном, каким минуту назад говорил про сплавы — как о погоде, а не об угрозе. — Ты знаешь порядок, Мирза. Гильдия не банк, но и не благотворительность. Пока баланс не двигается, надбавка есть у всех, кто в такой же ситуации. Не только у тебя.

Мирза промолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы это не выглядело как согласие.

Долг был не его — по крайней мере, начинался не с него. Отец брал его на ремонт своего судна за два года до того, как это судно вместе с ним самим осталось где-то в поясе, разорванное декомпрессией, которую можно было бы предотвратить, будь ремонт сделан вовремя и деталями, а не обещаниями расплатиться позже. Гильдия не простила долг — гильдия никогда не прощала долги, потому что если начать прощать, вся система держащихся друг за друга должников развалится за один сезон, — но и не потребовала сразу. Она просто переписала остаток на сына и стала ждать, спокойно, десятилетиями, с той же невозмутимостью, с какой ждала станция за трактором дозаправки в «Своде-12».

Разница была в том, что Консорциум делал вид, что не давит. Гильдия не делала даже этого вида — и именно поэтому Мирза уважал её больше, чем когда-либо уважал синий значок на форме, которую когда-то носила Ирина.

— Переведи со счёта «Мигранта», — сказал он. — Как обычно.

Фарид кивнул и вернулся к своей плате, но не сразу отпустил тему.

— Кстати. — Он не поднимал взгляда, будто фраза была случайной, будто он вспомнил это между делом, а не приберегал специально. — Приходил заказ на прошлой неделе. Специальный контракт, обслуживание закрытого объекта, оплата сразу и целиком. Такая сумма закрыла бы твой остаток за один раз, с запасом.

— Что за объект?

— Не моё дело спрашивать, не моё дело говорить. — Фарид пожал плечами, всё тем же жестом, которым люди на этой станции пожимали плечами, когда решали, что тема того не стоит — или стоит слишком многого. — Просто заказ висел, искали инженера с допуском по классу реакторных систем. У тебя допуск есть. Я его не взял — не по моему профилю. Подумал, скажу тебе, вдруг интересно.

— Не интересно, — сказал Мирза, забирая коробку с клапаном под мышку, и в этот момент действительно так думал.

— Как скажешь. — Фарид наконец улыбнулся, коротко, без задней мысли. — Заплати проценты, Актан. И почини уже свой контур нормально, пока он не решил взорваться на полпути к поясу.

* * *

На обратном пути, в переходном рукаве между Дредноутом-13 и стыковочным кольцом, Мирза столкнулся с Товеном — тот возвращался откуда-то с медицинского склада станции, с ящиком реагентов под мышкой и тем особенным выражением лица, с которым он всегда выглядел так, будто уже знает диагноз раньше, чем спросил о симптомах.

— Клапан достал? — спросил Товен, кивнув на коробку.

— Достал. С процентами, но достал.

— Опять надбавка?

— Опять. — Мирза перехватил коробку удобнее. — Гильдия считает, что раз баланс долга стоит на месте, надо ускорить его сверху. Логично, если ты гильдия. Раздражает, если ты я.

Товен помолчал немного — не из вежливости, а потому что действительно обдумывал.

— Ты мог бы просто не платить. Что они сделают, отберут корабль, который им не принадлежит?

— Они сделают то, что делает любая система, где все друг другу должны. — Мирза толкнул дверь стыковочного шлюза плечом. — Перестанут продавать мне детали без очереди. А без деталей без очереди этот корабль встанет на месяц на первой же аномалии контура. И тогда неважно, кому я должен формально — важно, что должен буду всем сразу.

— Звучит как система, которую кто-то придумал специально.

— Систему всегда кто-то придумывает специально. — Мирза невесело усмехнулся. — Вопрос только, успел ли ты родиться до того, как её придумали, или после.

Они дошли до шлюза «Мигранта» молча, и Мирза, набирая код на панели, поймал себя на том, что думает не про клапан и не про Фарида, а про фразу, которую тот бросил вскользь, как ненужную деталь. Специальный контракт. Закрытый объект. Допуск по классу реакторных систем.

Не моё дело, подумал он — и тут же поймал себя на том, что за последний час подумал это уже дважды, а значит, дело, скорее всего, всё-таки было.

Он сунул коробку с клапаном под мышку покрепче и вошёл на борт.

Глава 3. Дэвид

Сканер на КПП «Перемычки» пиликал зелёным для всех, у кого была карта гражданства Консорциума или жетон гильдии Синдикатов — короткий, уверенный звук, за которым человек проходил, не замедляя шага. Для Дэвида Осея он пиликал жёлтым, что означало «ручная проверка», что означало очередь, что означало разговор, который он вёл здесь так часто, что мог бы вести его во сне.

— Цель визита, статус резидентства.

— Транзит, груз, статус временный. — Он протянул планшет с чипом, который продлевал каждые девяносто дней, каждый раз за новую сумму, каждый раз у нового человека, готового закрыть глаза на то, что документ должен был истечь ещё месяц назад. — Двадцать три контейнера, накладная приложена.

Пограничник — молодой, скучающий, с той особой ленью человека, который двадцатый раз за смену видит один и тот же жёлтый сигнал, — пролистал накладную, не особо вчитываясь.

— «Технические компоненты, категория Б». Кому?

— Ремонтной станции в третьем секторе. Реквизиты в файле.

Пограничник кивнул, отбил печать, и Дэвид прошёл дальше — туда, где сканер для гражданских не смотрел на тебя как на потенциальную проблему, требующую объяснения самим фактом своего существования.

Он был рождён на станции, которая давно перестала существовать под тем именем, что значилось в его свидетельстве — разобрана на металл ещё до того, как ему исполнилось десять, — и с тех пор формально не принадлежал ни к одной юрисдикции, которая брала бы на себя труд это признать. Не гражданин Консорциума: рождение вне их реестров означало, что оформление гражданства начиналось с прошений, поручителей и денег, которых у него не было в нужный момент, а потом момент прошёл, и требования успели ужесточиться ещё дважды. Не член гильдии: Синдикаты принимали в свой круг по праву рождения в семье гильдии или через годы ученичества — ни того, ни другого он предложить не мог. Он существовал в промежутке, который система формально не замечала, потому что признать промежуток означало признать, что не у всех есть третий вариант, кроме двух больших.

* * *

Двадцать три контейнера были на самом деле двадцатью двумя контейнерами технических компонентов и одним — с грузом, который в накладной был указан как «технические компоненты», а на деле представлял собой партию медикаментов, произведённых по консорциумной лицензии, но не имеющих экспортного разрешения именно в третий сектор, где ремонтная станция принадлежала гильдии, формально находящейся в конфликте интересов с держателем лицензии.

Технически — не контрабанда. Практически — то, за что можно было потерять транзитный чип на полгода, если бы кто-то решил вчитаться внимательнее, чем читал сегодняшний пограничник.

— Груз чист? — спросил заказчик на другом конце связи, когда Дэвид доложил о прохождении.

— Чист настолько, насколько бывает чистым то, что не проверяют. — Дэвид облокотился на переборку грузового отсека, наблюдая, как автопогрузчики разбирают контейнеры по местам. — Ваша станция получит медикаменты через шесть часов. Моя комиссия переводится сейчас или после разгрузки?

— После. Как обычно.

— Тогда как обычно я останусь здесь, пока разгрузка не закончится.

На другом конце усмехнулись — не зло, скорее с уважением к тому, что человек, живущий одолжениями, знает цену словам «как обычно».

* * *

Разгрузка заняла три часа, и всё это время Дэвид наблюдал за перемещением контейнеров с той профессиональной незаинтересованностью, за которой на самом деле стояло постоянное, привычное внимание к деталям — к тому, кто где стоит, кто на кого смотрит, не появился ли кто-то с эмблемой, которой не должно быть на этом причале.

Появился. Не с эмблемой Консорциума — хуже: инспектор гильдии, той самой, чья лицензия конфликтовала с грузом, который сейчас разгружали в соседнем отсеке.

— Осей. — Инспектор, женщина с короткой стрижкой и планшетом инвентаризации, остановилась достаточно близко, чтобы разговор нельзя было не заметить. — Что везём?

— Технические компоненты. Накладная у диспетчера.

— Странное время для технических компонентов. — Она смотрела не на контейнеры, а на него — так смотрят люди, привыкшие читать не документы, а лица. — У нас как раз конфликт по лицензии с одной фармацевтической линией. Совпадение?

Дэвид улыбнулся — той самой улыбкой, которая работала в девяти случаях из десяти, потому что говорила «мне нечего скрывать» громче, чем могли бы сказать любые слова.

— Совпадение — это когда две вещи происходят одновременно без причины. У меня просто накладная на компоненты. Хотите — покажу.

— Не хочу. — Она смотрела ещё секунду, потом убрала планшет. — Хочу, чтобы в следующий раз твои совпадения происходили на другом причале.

— Учту.

Она ушла, не оглядываясь, и Дэвид позволил себе выдохнуть только тогда, когда она скрылась за поворотом коридора. Не потому что боялся ареста — боялся того, что арест означал бы объяснения, а объяснения означали бы, что кто-то, где-то, наконец решит, что человек без статуса — самая удобная фигура для того, чтобы на неё всё списать.

* * *

Он вернулся на «Мигрант» ровно через полчаса после того, как перевод за комиссию упал на счёт, с тем особым чувством лёгкости, которое всегда приходило не от денег, а от того, что снова обошлось.

Мирза встретил его у грузового шлюза, вытирая руки ветошью.

— Как сходил?

— Обошлось. — Дэвид кинул сумку на скамью. — Инспектор гильдии сунула нос, но у неё не было причины копать глубже, чем ей хотелось.

— У тебя всегда «обошлось». — Мирза хмыкнул без злобы. — Однажды не обойдётся.

— Знаю. — Дэвид сел, откинувшись на переборку. — Именно поэтому у меня всегда есть план на день, когда не обойдётся, а не только на день, когда обошлось.

— И какой план?

— Быть кому-то настолько полезным, чтобы день, когда не обошлось, стал чужой проблемой, а не моей.

Мирза покачал головой, но не стал спорить — оба знали, что это не совсем шутка.

* * *

Позже, уже один в своей каюте, Дэвид получил короткое сообщение от диспетчера с другого конца сделки: благодарность за скорость, и приписка — если понадобится провести что-то ещё через тот же коридор, у него теперь есть прямой контакт, минуя посредников.

Он посмотрел на сообщение дольше, чем оно того стоило.

Прямой контакт означал меньше комиссии посредникам — и больше доверия, которое рано или поздно попросят вернуть чем-то более конкретным, чем груз. Так работали все его связи: каждая начиналась с одолжения, которое казалось меньше, чем оно окажется в итоге.

Он сохранил контакт.

Не потому что уже знал, для чего он понадобится — а потому что за годы в промежутке между двумя системами усвоил: единственная валюта, которая у него была и которую никто не мог отобрать законом, — это то, кому он был должен и кто был должен ему.

Он выключил планшет и лёг, думая не о грузе и не об инспекторе, а о том, каким по счёту будет тот день, когда «обошлось» перестанет быть ответом.

Глава 4. Товен

Три образца тканевой регенерации ждали занесения в журнал ещё с прошлой недели, и Товен наконец добрался до них тем методичным, безостановочным способом, которым обычно разбирал всё, что накапливалось, — не потому что горело, а потому что незаконченное раздражало его физически, как несведённый счёт.

Медотсек «Мигранта» был маленьким, но обжитым: два смотровых стола, шкаф с реагентами, запертый на два замка вместо одного — привычка, оставшаяся не столько от паранойи, сколько от многолетней дисциплины хранить то, что легко перепутать с чем-то более опасным, отдельно от всего остального. Он ввёл последний показатель, закрыл файл и только тогда позволил себе взглянуть на планшет для личной почты, куда весь день старался не смотреть.

Одно новое сообщение. Отправитель — «Й. Северин, техническое обслуживание, сектор 4». Заголовок отсутствовал, как и всегда: Йона никогда не писал заголовков, будто заголовок делал письмо официальным, а официальное — перехватываемым.

Медику Товену Ласку.

Так он всегда начинал — полным именем, старомодно, будто письмо могло случайно попасть не в те руки и требовалось сразу расставить, кто есть кто. Товен открыл сообщение.

Датчик контура три показал отклонение сегодня в третью смену. Не выброс, не скачок — ровный сдвиг на протяжении сорока минут, потом обратно к норме. Ничего похожего не было ни разу за все годы, что я слежу за этой панелью, а слежу я за ней дольше, чем ты живёшь среди чужих. Я не сообщал наверх. Хотел, чтобы ты знал первым.

Товен перечитал сообщение дважды. Ни в первый, ни во второй раз оно не стало понятнее — потому что Йона, как всегда, дал ему факт без интерпретации, доверив интерпретацию тому, кого считал достаточно образованным, чтобы её не бояться.

Сорок минут. Ровный сдвиг. Ничего похожего не было ни разу.

* * *

Он не сразу узнал, что значит покинуть «Первый Шаг» — в детстве это казалось попросту невозможным, категорией, в которую даже не приходило в голову помещать собственную жизнь. Мир был кораблём, корабль был миром, и мысль о том, что где-то за обшивкой существует нечто, куда можно физически дойти, требовала того же усилия воображения, что и мысль о конце вселенной.

Всё изменилось за один визит.

Медицинское судно Консорциума пришло тогда в третий раз с начала контакта — не с проверкой, а с помощью: эпидемия дыхательной инфекции прошла по нижним палубам «Первого Шага», и старейшины, вопреки полувековой привычке не пускать чужих глубже стыковочного узла, впервые допустили внешних врачей во внутренние секции. Товену было четырнадцать, он бегло говорил на языке системы — быстрее, чем большинство взрослых, потому что учил его не по необходимости, а из чистого упрямого любопытства, — и его поставили переводчиком между врачами и пациентами почти случайно, потому что он оказался в нужном коридоре в нужный момент.

Врач, женщина по имени Кассандра Рю, заметила не язык. Она заметила, как он задаёт вопросы — не «когда это пройдёт», как спрашивали остальные, а «почему именно это лекарство, а не то, что вы давали вчера». К концу третьей недели она предложила старейшинам взять его на борт медицинского судна как ученика-переводчика — временно, на один рейс, для укрепления зарождающегося доверия между общинами.

Совет колебался почти месяц. Согласие пришло не благодаря убеждению — благодаря усталости от эпидемии и осторожному расчёту, что мальчик, вернувшись, привезёт с собой то,

чего общине отчаянно не хватало: настоящую медицину, а не то, что удавалось наладить из остатков оборудования, которому было больше лет, чем самому кораблю.

Он вернулся через полгода — и попросил разрешения уехать снова, уже надолго. На этот раз совет отказал не сразу, а старейшины разошлись во мнениях так резко, что решение стало прецедентом, о котором говорили годы спустя как о первом настоящем расколе в вопросе, что делать с миром снаружи.

Он уехал. Шесть лет обучения, потом ещё два — специализация, о которой на «Первом Шаге» не было даже подходящего слова. Когда он вернулся во второй раз, уже как врач, а не ученик, у него хватило такта не ждать, что община встретит его как героя. Она встретила его как вопрос без ответа: доказательство того, что уйти можно, — а значит, и того, что можно не вернуться.

Он не остался. К тому моменту капитан Ирина Воронцова, набиравшая экипаж для независимого грузового судна, искала врача — и была одной из немногих, кто вообще рассматривал кандидата с Флотилии всерьёз, а не как факт, требующий объяснения перед остальным экипажем.

* * *

Он нашёл Ирину на мостике, где та сверяла маршрут со сводками цен на топливо — привычка, оставшаяся у неё с той эпохи, когда цена определяла, полетит корабль или нет, а не просто насколько тяжело будет платить.

— Есть минута?

— Для тебя всегда. — Она не подняла головы. — Что-то с экипажем?

— Не с экипажем. — Он помедлил, подбирая формулировку так, как выбирал бы дозировку — точно, без избытка. — Пришло сообщение от контакта на «Первом Шаге». Показания одного из контуров реактора дали отклонение вчера. Сорок минут, потом обратно к норме.

Ирина наконец подняла взгляд.

— Серьёзное отклонение?

— Не знаю. — Это была правда, и всё же неполная правда — потому что «не знаю» звучало спокойнее, чем «не знаю, но реактор этого корабля не отклонялся от нормы ни разу за все годы, что кто-то его отслеживает, а теперь отклонился». — Возможно, ничего. Старое оборудование иногда даёт ложные всплески.

— Ты в это веришь?

Вопрос был задан без нажима, но Товен ощутил его вес — Ирина умела спрашивать так, что уклончивый ответ становился заметнее прямого.

— Пока рано делать выводы, — сказал он. — Я буду следить. Если повторится — скажу больше.

Она кивнула, принимая ответ таким, каким он был предложен — не до конца, но достаточно, — и вернулась к маршруту. Товен вышел с мостика с ощущением, что впервые в жизни солгал не словами, а их количеством.

* * *

В своей каюте, один, он позволил себе то, что не мог позволить на мостике: не методичность, а тревогу без формы.

Если отклонение было первым симптомом чего-то, что копилось десятилетиями — а собственной интуиции он давно привык доверять больше, чем чужим успокоительным словам, и она подсказывала именно это, — то правда о происхождении реактора рано или поздно перестанет быть тайной, которую можно контролировать выбором, кому и когда её открывать. Она станет фактом, который откроется сам, в момент и тем способом, которые никто не выберет.

Его народ построил вокруг этой тайны всё: институт Хранителя, культуру молчания, саму способность верить, что можно выжить, компромиссно приняв то, чего не понимаешь. Если

тайна разрушится не по их воле, а из-за отказавшего контура, разрушится не просто секрет — разрушится то, на чём держалась община все эти годы после прибытия.

И всё же — где-то под тревогой, тише, но упрямее — сидело то же любопытство четырнадцатилетнего мальчика, спросившего не «когда это пройдёт», а «почему именно так». Он хотел знать. Не потому что был готов к последствиям знания, а потому что не знать было физически невыносимо — так же, как невыносимы были незанесённые в журнал образцы.

Он скопировал сообщение Йоны в отдельный, личный архив — не в общий корабельный журнал, куда попадало всё, что касалось экипажа официально. Пока не в общий. Пока — только его.

Не моё дело, подумала бы на его месте Ирина, и вернулась бы к маршруту.

Товен закрыл архив и понял, что для него всё наоборот: это было его дело с самого начала, просто он впервые за десять лет позволил себе это признать.

Глава 5. Ирина

Контракт пришёл на общий канал «Мигранта» без опознавательных знаков брокера — только маршрут, груз и цифра, которая заставила Ирину прочитать письмо дважды, прежде чем поверить, что цифра настоящая.

Перевозка партии промышленного оборудования из третьего сектора на станцию перегонки льда у внешней кромки пояса. Груз легальный, полностью задекларированный, ничего похожего на прошлые сомнительные рейсы. Цена — почти вдвое выше обычной ставки за такое расстояние.

За такую цену всегда что-то не так. Вопрос был только в том, что именно.

Она прочитала маршрут ещё раз и нашла ответ сама, без подсказок: путь проходил через сектор добычи льда, который последние два месяца был предметом территориального спора между Ледовой гильдией и Горнодобывающей — обе претендовали на один и тот же участок после того, как там обнаружили новую жилу, пригодную для обеих технологий добычи. Никто официально не воевал. Но независимые суда, проходящие через спорный участок, всё чаще получали внеплановые «досмотры» от патрулей то одной, то другой стороны — за счёт, разумеется, самого судна.

Высокая цена была не щедростью. Она была компенсацией за риск, который брокер не хотел объяснять прямым текстом.

* * *

Она собрала всех в кают-компании — тесном помещении на два стола и один потрёпанный диван, который давно перестал быть удобным, но так и не был заменён, потому что каждый раз находились траты важнее.

— У нас контракт, — сказала она, разворачивая маршрут на общем экране. — Хорошие деньги. Есть нюанс.

— Нюанс — это то слово, после которого обычно оказывается, что денег недостаточно, — заметил Мирза, не отрываясь от планшета, где пересчитывал что-то своё.

— Маршрут идёт через спорный участок между Ледовой и Горнодобывающей. — Ирина ткнула в карту. — Здесь.

Мирза наконец поднял голову.

— Тот самый, где на прошлой неделе задержали баржу «Ковентри» на десять часов ради «инвентаризационной проверки груза»? Который был чист как слеза?

— Тот самый.

— Значит, десять часов простоя мы уже заложили в план, даже если по документам всё безупречно.

— Заложили, — согласилась Ирина. — Цена контракта это покрывает с запасом.

Дэвид, сидевший на диване с той расслабленностью человека, который уже прикидывает решение, пока другие ещё формулируют проблему, подал голос:

— У меня есть контакт, который может договориться о свободном проходе с одной из сторон. Не бесплатно, но дешевле, чем терять десять часов и нервы.

— Тот самый контакт с прошлой недели? — уточнил Мирза, не скрывая, что помнит куда больше, чем Дэвид рассказывал вслух.

— Тот самый, — коротко ответил Дэвид, не развивая тему, и Ирина отметила про себя, что не стала спрашивать дальше — не потому что не хотела знать, а потому что знала: спросить раньше времени значило получить лишь половину правды, а дождаться нужного момента — получить её целиком.

Товен, до этого молчавший, слушая внимательнее, чем казалось со стороны, поднял вопрос с другой стороны:

— Промышленное оборудование для перегонки льда — какого класса реактор оно использует для разморозки?

Ирина сверилась с манифестом.

— Стандартный термический контур, ничего экзотического. Почему спрашиваешь?

— Просто привычка проверять, что именно мы везём, — сказал Товен, и это было правдой, хотя не всей правдой: с недавних пор любое упоминание реакторных систем, даже самых обычных, задерживало его внимание на секунду дольше, чем неделю назад.

— Если экзотики нет, то и вопросов нет, — сказал Мирза. — Мне интереснее, кто платит такую цену за легальный груз оборудования. Обычно за такие деньги возят то, что стыдно назвать в манифесте.

— Возможно, платят не за груз, а за то, что кто-то готов рискнуть пройти через спорный участок вместо них, — сказала Ирина. — Что тоже своего рода товар.

Мирза хмыкнул, признавая логику, но не переставая ей не доверять.

* * *

Она выслушала всех — Мирзу, для которого любая цифра была либо оправданной, либо нет, вне зависимости от красивых слов вокруг неё; Дэвида, для которого решение уже существовало в виде связей, которые оставалось просто активировать; Товена, чей вопрос был скорее профессиональной привычкой, чем возражением, — и поняла то, что понимала всегда в такие моменты: решение всё равно придётся принимать ей одной.

Не потому что она не доверяла их мнению. Потому что мнение можно разделить на четверых, а ответственность — нет.

— Берём, — сказала она. — Дэвид, договаривайся о проходе. Мирза, посчитай запас топлива с учётом возможной задержки, даже если Дэвид всё уладит. Товен, если увидишь в манифесте что-то, что противоречит заявленному классу оборудования при погрузке — сообщи сразу, а не после того, как мы отчалим.

Все кивнули — каждый по-своему: Дэвид с лёгкостью человека, для которого задача уже была решена в момент постановки; Мирза с ворчливой готовностью, которая на деле означала полное согласие; Товен молча, коротким наклоном головы.

* * *

Когда остальные разошлись, Ирина ещё немного посидела в кают-компании одна, глядя на развёрнутую карту спорного участка.

Четыре человека, каждый из которых мог в любой момент оказаться должен кому-то на стороне — гильдии, брокеру, старой общине, — и всё же именно здесь, в этой тесной комнате с неудобным диваном, отношения между ними всё ещё не измерялись в цене вопроса. Мирза спорил с ней не потому, что рассчитывал что-то выгадать, а потому что действительно так думал. Товен молчал не из хитрости, а из осторожности. Даже Дэвид, чьи связи всегда стоили какой-то платы, здесь предлагал их бесплатно.

После Консорциума, где ценность каждого слова определялась тем, кому оно выгодно, это было единственное место, где она позволяла себе не считать.

Она свернула карту и пошла проверять, что там у Мирзы с топливным запасом — потому что даже здесь, в единственном месте, где ничего не стоило цены, кораблю всё равно нужно было топливо, а топливо всё равно стоило денег.

Глава 6. Мирза

Спорный участок начинался не по координатам, а по звуку: общая частота, обычно занятая рутинными позывными грузовых судов, здесь трещала переговорами патрулей — сухими, короткими, той особой интонацией людей, которые давно привыкли, что их слушают чужие уши, и говорят соответственно.

Мирза сидел у навигационного пульта рядом с Ириной, слушая эфир больше, чем смотрел на радар — радар показывал только то, что уже приближалось; эфир иногда показывал, что приближаться передумало.

— Патруль Ледовой на двенадцать градусов по правому борту, идёт параллельным курсом, — сказал он. — Не приближается. Похоже, Дэвид не соврал — нас пропускают.

— Хорошо, — отозвалась Ирина, не отрывая взгляда от маршрута. — Значит, обошлось.

Обошлось продержалось одиннадцать минут.

* * *

Второй патруль появился не с той стороны, откуда его ждали — не со стороны Ледовой, с которой Дэвид договорился о проходе, а со стороны Горнодобывающей, чей корабль вынырнул из-за астероидного обломка так, будто специально выбирал позицию, недоступную для радара заранее.

— «Мигрант», приказываю остановиться для досмотра, — раздалось на общей частоте, без предисловий.

— У нас согласованный проход, — сказала Ирина, не меняя курса.

— Согласованный с кем?

— С Ледовой гильдией.

Пауза на той стороне длилась ровно столько, чтобы стало понятно: ответ не удовлетворил.

— Ледовая гильдия не распоряжается этим участком. Участок оспаривается. Остановитесь для досмотра, или мы примем меры.

Ирина заглушила двигатель до минимального хода — не подчинение, а расчёт: у грузового судна против патрульного катера не было ни скорости, ни брони, чтобы спорить иначе, чем словами.

* * *

Досмотровая группа поднялась на борт через пятнадцать минут — трое, во главе с офицером среднего возраста, чья форма была той характерной смесью потрёпанности и аккуратности, которая появляется у людей, годами живущих в одном комплекте снаряжения.

Мирза встретил их у шлюза, потому что груз был по его части, а объяснять техническую сторону манифеста Ирине пришлось бы дольше, чем сделать это самому.

Офицер бегло просмотрел его планшет — и задержался взглядом на эмблеме, вытатуированной на предплечье.

— Техническая гильдия.

— Она самая.

— Нейтралы. — Слово было произнесено без прямой враждебности, но и без того уважения, с каким Фарид произносил его на Дредноуте-13. — Удобно. Обслуживаете всех, ни с кем не воюете.

— Обслуживаем всех, потому что без этого никто не долетит куда собирался — ни вы, ни Ледовая, ни кто угодно ещё.

— Пока да. — Офицер вернул планшет, не спеша с досмотром, будто разговор интересовал его больше, чем груз. — Знаете, сколько мы теряем оборудования из-за того, что чинить его негде, кроме как у вас? А ремонтные доки вашей гильдии стоят на территории, часть которой формально ничья, а формально — то ли наша, то ли Ледовой. В какой-то момент кому-то

надоест это терпеть, и вашей гильдии придётся выбрать сторону, как выбирают все остальные. Нейтралитет держится, пока конфликт маленький. А этот перестаёт быть маленьким.

Мирза промолчал — не потому что не нашёл ответа, а потому что ответ, который просился на язык, был бы честным, но не был бы умным.

— Досмотр груза, — сказал офицер, меняя тон обратно на официальный. — Промышленное оборудование, категория термических контуров?

— Так точно.

Офицер кивнул одному из своих, тот включил сканер и провёл им вдоль контейнеров — медленно, с той дотошностью, которая либо действительно была протоколом, либо была способом продлить неудобство минутой дольше необходимого.

— Сканер спотыкается на третьем контейнере, — сказал техник патруля, хмурясь. — Показания нестабильны.

Мирза подошёл ближе, взглянул на экран сканера и почти сразу увидел то, чего не видел техник, привыкший к оборудованию другой конфигурации.

— Ваш сканер откалиброван под старую ревизию термических контуров. Этот груз — новая партия, у неё другая экранирующая обшивка, сканер её не может нормально прочитать, поэтому и «спотыкается». Не с грузом проблема — с настройками прибора.

Техник патруля посмотрел на офицера, ожидая, что тому это не понравится. Офицеру не понравилось — но не по той причине, которую ждал техник.

— Можете откалибровать? — спросил он Мирзу напрямую.

Мирза мог. Для этого ему понадобилось семь минут, планшет патруля, доступ к таблице параметров новой обшивки, которую он всё равно держал под рукой после недавнего ремонта термостата на «Мигранте», и то спокойное, чуть насмешливое терпение, с которым он объяснял технику, что именно тот делал не так последние два месяца, судя по логам сканера.

— Готово. — Он вернул планшет. — Теперь будет читать правильно у любого груза этой ревизии, не только у нашего.

Офицер посмотрел на откалиброванный сканер, потом на Мирзу — дольше, чем требовала простая благодарность.

— Груз чист, — сказал он наконец своим людям. — Пропускаем.

Уже у шлюза, перед тем как уйти, он обернулся.

— В следующий раз, когда я скажу, что нейтралитету скоро придёт конец — вспомните этот разговор. Умение чинить чужие сканеры не делает вас нужным всем одновременно. Оно делает вас нужным ровно до тех пор, пока хоть одна сторона считает, что дешевле оставить вас в живых, чем разбираться, чей вы на самом деле.

* * *

Оставшись один в грузовом отсеке, Мирза ещё какое-то время смотрел на закрывшийся шлюз, за которым патрульный катер отходил обратно на свой курс.

Фраза офицера засела не потому, что была угрозой — угроз он слышал достаточно, чтобы отличать реальную от риторической, — а потому что была диагнозом, который Мирза давно подозревал, но предпочитал не формулировать вслух даже себе. Нейтралитет гильдии не был убеждением, вписанным в устав на века. Он был договорённостью, которая работала, пока всем сторонам было выгоднее её соблюдать, чем ломать, — ровно тем же принципом, по которому Фарид начислял проценты на застывший долг: не из злого умысла, а потому что система держится, пока всем выгодно, чтобы она держалась.

Его отец не выбирал сторону в каком-либо конфликте гильдий. Его отец просто оказался должен слишком многим сразу в момент, когда системе стало выгоднее списать один корабль, чем разбираться, кому он на самом деле принадлежит. Мирза всю жизнь боялся именно этого — не гильдийского долга как такового, а того момента, когда нейтралитет и умение чинить чужие сканеры перестанут быть достаточной платой за то, чтобы тебя оставили в покое.

* * *

Ирину он нашёл на мостике, снова над маршрутом — привычка возвращаться к цифрам сразу после того, как опасность миновала, будто опасность была просто ещё одной переменной в расчёте.

— Прошли, — сказал он. — Досмотр, небольшая заминка со сканером, ничего серьёзного.

— Насколько небольшая?

— Достаточно небольшая, чтобы не стоило об этом думать дальше сегодняшнего дня, — сказал Мирза, и это было не совсем ложью — скорее тем же трюком, каким Товен неделю назад ответил на похожий вопрос: правда, поданная в дозировке, которая не создавала проблемы там, где проблему ещё можно было не создавать.

Ирина кивнула, принимая ответ, и вернулась к маршруту.

Мирза пошёл проверять груз — то немногое, что оставалось действительно в его власти: удостовериться, что контейнеры стоят там, где должны, и что хотя бы здесь, на собственном корабле, ничего не нуждается в починке, которую он не может предложить.

Глава 7. Дэвид

Сообщение пришло тем же вечером, когда Дэвид меньше всего его ждал — не с предложением груза, а с вопросом, который никто, торгующий одолжениями, обычно не задаёт бесплатно.

У тебя ведь транзитный чип, продлеваемый каждые девяносто дней? Знаю человека, который может оформить тебе спонсорскую визу. Годовую. Без ежеквартальной беготни. Ничего не обещаю, но могу свести.

Дэвид перечитал сообщение три раза, прежде чем ответить — не потому что не понял, а потому что понял слишком хорошо, и ему нужно было время, чтобы не показаться человеком, для которого это имеет значение.

— Сведи, — написал он наконец. Одно слово, без подписи, без благодарности сверх необходимого.

* * *

Поручителем оказалась логистическая контора, о которой Дэвид никогда не слышал — небольшая, зарегистрированная где-то на периферии юрисдикции Синдикатов, достаточно легальная, чтобы иметь право спонсировать визы, и достаточно незаметная, чтобы никто не задавал вопросов, зачем ей это нужно.

Процедура заняла два дня вместо обычных недель ожидания: спонсорская транзитная виза, годовая, привязанная к конкретному поручителю, но признаваемая на всех КПП системы без ручной проверки при каждом пересечении. Не гражданство. Не членство в гильдии. Но нечто устойчивое — впервые за пятнадцать лет статус, который не нужно было продлевать каждые девяносто дней у нового человека за новую сумму.

* * *

Он проверил её на «Перемычке» — том же самом КПП, где сканер обычно пиликал ему жёлтым.

— Цель визита, статус резидентства, — произнёс пограничник, тот же скучающий тон, та же рутинная формула.

Дэвид протянул планшет.

Сканер пиликнул зелёным.

Пограничник, не глядя, махнул рукой в сторону прохода — того самого, куда люди шли, не замедляя шага, куда пятнадцать лет он смотрел искоса, проходя мимо в очередь на ручную проверку.

Он прошёл. Просто прошёл, без разговора, без объяснений, без того особого выражения лица, с которым обычно готовился доказывать, что ему нечего скрывать.

По другую сторону КПП он остановился на секунду дольше, чем требовалось, — не потому что не знал, куда идти, а потому что тело ещё ожидало, что его окликнут.

Никто не окликнул.

* * *

Радость держалась до вечера — ровно до звонка от того же диспетчера, теперь уже с именем: Ренцо, представившийся как «человек, который свёл его с нужными людьми», хотя было очевидно, что он и был нужным человеком, просто предпочитал казаться посредником.

— Виза оформлена, — сказал Ренцо, тем лёгким тоном, каким сообщают приятную новость, за которой обычно следует не менее приятная просьба. — Условие простое: контора-поручитель — не благотворительность, ей нужно, чтобы её вложение отбивалось. В течение года ты работаешь преимущественно через мой канал заказов. Не эксклюзивно, но преимущественно. И присылаешь мне короткий отчёт после каждого рейса — маршрут, груз, ничего секретного, просто чтобы контора видела, что виза используется по назначению.

— Насколько «преимущественно»?

— Достаточно, чтобы это выглядело как сотрудничество, а не как разовая услуга. — Ренцо усмехнулся, и в этой усмешке было ровно столько тепла, сколько нужно, чтобы условие не звучало как условие. — Ты же понимаешь, Осей. Ничего не бывает просто так. Но это точно лучше, чем девяносто дней и очередь на ручной проверке, разве нет?

— Разве нет, — согласился Дэвид, и в этот момент почти не покривил душой.

* * *

На «Мигранте» он не стал скрывать хорошее настроение — скрывать его было бы работой, а работать над тем, чтобы казаться несчастным, ему не хотелось даже по привычке.

— Ты сегодня подозрительно доволен, — заметил Товен, столкнувшись с ним в коридоре. — Сделка прошла лучше, чем обычно?

— Лучше, чем обычно, — сказал Дэвид. — Получил годовую визу. Спонсорскую. Прошёл «Перемычку» без единого вопроса, первый раз в жизни.

— Поздравляю. — Товен смотрел на него с той внимательностью, которая всегда считывала больше, чем говорилось вслух. — За это обычно чем-то платят.

— Небольшим обязательством перед конторой-поручителем. Работать в основном через их канал год. Ничего такого, чего я и так бы не делал.

— «В основном» и «эксклюзивно» — разные слова, — заметил Товен.

— Разные, — согласился Дэвид с той же лёгкостью, с которой минуту назад согласился с Ренцо, и понял, что использует один и тот же приём дважды за один вечер: подавать правду в дозе, которая успокаивает, а не тревожит.

* * *

Один в каюте, он снова достал визу на планшете, просто чтобы посмотреть на неё — на статус, который пятнадцать лет казался категорией, недоступной людям вроде него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.